

Маленький домик был невелик, зато вполне уютен. Пляшущие языки пламени свечи отбрасывали на стены причудливые тени.

Е Фэнхуань, попивая чай и прижимая к себе Сяобао, чихнул. Пламя свечи дрогнуло и едва не погасло. Сяобао протянул руку, прикрывая огонек, и тот, покачиваясь, вновь разгорелся ярче.

Е Фэнхуань потер нос и прищурился, заслоняясь от света, который показался ему слишком резким:

— Уж больно эта свеча глаза режет.

— Братец, ты чихнул, потому что замерз? — Сяобао перевернулся и обнял его.

Е Фэнхуань покачал головой, в его темных глазах промелькнула теплота. Он легонько ущипнул мальчугана за щеку и ответил:

— Нет, мне не холодно. Мои руки такие же горячие, как твои щечки. Наверное, кто-то вспоминает обо мне, скучает.

Сяобао надул губы, увернулся от его руки и, сердито дрыгая ногами, проворчал:

— Братец, ты просто хотел ущипнуть меня за щеку, вот и выдумал оправдание!

Мальчишка воображал себя настоящим мужчиной и считал, что подобные нежности ущемляют его достоинство.

— А ты догадливый, — усмехнулся Е Фэнхуань. Он неведь откуда достал конфету, помахал ею перед лицом Сяобао и добавил: — Держи угощение, не сердись.

Сяобао с улыбкой взял конфету, соскочил с колен Е Фэнхуаня и выбежал из комнаты — должно быть, побежал искать мать. Тетушка Чжао как раз хлопотала на кухне, а ее муж, скорее всего, возился с курицей.

— Дети — они такие простые, — Е Фэнхуань протянул руку и погладил по голове огромного черного пса, лежавшего рядом.

Пес поднял голову, опирающуюся на передние лапы, и проворчал:

— Наверняка это те, кого ты недавно проучил, проклиная тебя, чтобы ты сгинул поскорее.

Е Фэнхуань, небрежно подперев голову рукой, макнул палец в чай и вывел на деревянном столе круг. Затем он принялся что-то дорисовывать, и узор вышел странным, непостижимым.

В следующее мгновение в пасти у пса оказалась кость, из-за чего он больше не мог произносить человеческие слова.

Е Фэнхуань прищурился, и в его взгляде блеснул холодный свет, более яркий, чем пламя свечи.

— Из собачьей пасти доброго слова не услышишь, — сказал он. — Если они меня и проклинаят, то это значит, что твои чары не работают, и нам обоим не поздоровится.

Если заклятие потеряет силу и те люди доложат о делах Е Фэнхуаня властям, их ждут большие неприятности.

Пес выплюнул кость и зарычал:

— Е Фэнхуань, ты опять переместил мою заначку! Это же кость пятисотлетнего демонического зверя, ценная вещь, а ты используешь ее, чтобы подшутить надо мной! Неужели я слишком добр к тебе?!

В этот момент пес был готов разорвать этого бессердечного, обожающего издеваться над духами человека.

Е Фэнхуань, словно прочитав мысли пса, улыбнулся:

— Оставь эти мысли. Я ведь спас тебе жизнь, и ты поклялся никогда не причинять мне вреда. Если только не хочешь узнать, что бывает за нарушение клятвы.

— Хм... — пес напоследок гавкнул на него, подхватил кость и вышел из комнаты.

Е Фэнхуань остался один. Его взгляд мгновенно похолодел. Возможно, прежнее оживление было лишь игрой на публику — нельзя же быть вечно холодным и чужим в этом мире.

Он отодвинул подсвечник, подпер голову рукой и, глядя через открытую дверь на лунный свет, погрузился в свои мысли.

...

Через полчаса тетушка Чжао с мужем вернулись с ужином. Е Фэнхуань помог им накрыть на стол.

Семья они были небогатая, поэтому за едой не соблюдали строгих правил молчания. Тетушка Чжао то и дело расспрашивала Е Фэнхуаня о делах, и в ее глазах читалась искренняя забота.

— Слушай, а может, сменишь фамилию? — предложила она. — Эта фамилия Е как-то неблагозвучна. У мужа есть связи с чиновником, ведающим реестрами, все можно быстро

оформить.

Мужчина, сидевший на почетном месте, нахмурился:

— Нельзя. Фэнхуаня рекомендовали на экзамен для столичных чиновников, все документы уже поданы. Как можно менять их на ходу?

Тетушка Чжао хлопнула себя по лбу:

— И правда, память моя дырявая, совсем забыла. Кстати, Фэнхуань, завтра ведь ты уезжаешь в столицу. Я приготовила тебе кое-какую одежду, не забудь напомнить мне забрать ее, а то за хлопотами совсем из головы вылетит.

— Спасибо, тетушка. Но я не поеду в столицу, — Е Фэнхуань съел кусочек овощей, и в его глазах промелькнуло удовлетворение.

Тетушка Чжао была потрясена и даже встревожена:

— Как так? Разве все уже не решено? Почему ты вдруг передумал? Это же твое будущее!

Е Фэнхуань отложил палочки и объяснил:

— Сегодня я поспорил с учителем. Думаю, он отправится к уездному чиновнику, чтобы аннулировать мой статус ученика. Так что в столицу мне путь заказан.

— Как же так... — тетушка Чжао закрыла лицо руками и неожиданно разрыдалась. — Дитя мое, как же я теперь посмотрю в глаза твоей матери на том свете? Госпожа Циньцзи... кстати, она ведь спасла наш городок! Я пойду и умолю этого учителя, ради памяти госпожи Циньцзи...

— Довольно! — Е Фэнхуань резко встал. Его холодный взгляд, упавший на стол, погрузил комнату в гнетущую тишину. — Тетушка Чжао, мне не нужна эта карьера. Раз не сложилось — значит, так тому и быть. И нет нужды просить кого-то, прикрываясь именем моей матери. Они того не стоят. Простите, у меня дела, я пойду.

Е Фэнхуань поклонился и вышел. Муж тетушки Чжао остался утешать жену и не стал его догонять. В их глазах поступок Е Фэнхуаня был лишь проявлением упрямства, и на душе у них остался неприятный осадок.

Е Фэнхуань в одиночестве шел по горной тропе, а следом за ним семенил черный пес.

Пес пробежал вперед и спросил:

— Так ты все это затеял, чтобы не ехать в столицу? Но зачем? Ты ведь и так собирался покинуть город. Не понимаю.

— Кто сказал, что если я уйду, то обязательно должен ехать в столицу? Я не хочу туда, но мне нужно подождать еще два дня, прежде чем покинуть эти края. Поэтому статус ученика мне больше не нужен, — Е Фэнхуань свернул на тропу, ведущую в гору, и его голос затерялся среди густых деревьев.

Пес все еще недоумевал:

— Почему два дня? Ушел бы сразу, и не пришлось бы устраивать весь этот фарс.

— Через два дня годовщина смерти моей матери. Я хочу дождаться дня поминаения, прежде чем уйти.

Сказав это, Е Фэнхуань остановился. Они вышли из леса на небольшую поляну, единственным украшением которой был одинокий и заброшенный могильный холм.

— ... — пес замолчал. Если дело касалось матери, Е Фэнхуань был готов на все. Теперь, когда причина стала ясна, пес решил больше не мешать ему.

Е Фэнхуань не обратил внимания на отставшего пса. Он подошел к могиле, прислонился к надгробию, поднял глаза к ночному небу и тихо прошептал:

— Мама... я пришел навестить тебя.

Пес не стал долго задерживаться, понимая, что Е Фэнхуань хочет побыть один, и растворился в воздухе черной дымкой.

<http://bllate.org/book/23921/2728593>